

Елена МАРКОВА

г. Петрозаводск

УЧЕНЫЙ

В ПОТОКЕ ИСТОРИИ

Памяти Э. Г. Карху (1923–2008)

*В пещере старец; ясный вид,
Спокойный взор, брада седая;
Лампада перед ним горит;
За древней книгой он сидит,
Её внимательно читая.*

В отличие от пушкинского персонажа, «брады седой» у Карху не было: Эйно Генрихович всегда был тщательно выбрит. Но представить его с очередным фолиантом при свете настольной лампы нетрудно, ибо работалось лучше всего по ночам. Не случайно соседка, живущая этажом выше, окрестила его за поминальным столом «ночным человеком». Не раз и не два она слышала по ночам шаги ученого, когда он, размышляя над предметом исследования, мерил ими квадратные метры своего кабинета. Припозднившись жильцам дома № 7 по улице Космонавта Германа Титова всегда светило окно квартиры № 15.

Пушкинский образ в моей памяти вспыхнул не случайно. Во-первых, Эйно Генрихович – финн-ингерманландец, во-вторых, филологическая его деятельность началась с этого образа, им же и завершилась (см.: первую книгу «Финляндская

литература и Россия», 1962 г. и последнюю – «Общение культур и народов», 2003 г.). В-третьих и главных, он прошел тот же путь, что и его первопредок: путь пастуха, воина и носителя книжной премудрости.

Музой Финна была красавица Наина. По замечанию Э. Г. Карху, имя это в переводе с финского «nainen» означает «женщина», тем самым подчеркивалась родовая характеристика героини. Подобным именем, как правило, нарекали пра-родительницу, чей род имел во времени жизнь протяженную и судьбу знаковую.

Музой Карху стала Клия (Клио). Почему История, а не Филология, или шире – Литература? Об этом позже, хотя... не вечной ли спутницей каждого из нас является История, что воскрешает прошлое в семейных преданиях и на страницах школьного учебника и обращивается к тебе в настоящем то ликом неприступной красавицы, то безобразной плотью жестокой колдуньи?

Как отказы Наины влюбленному Финну и ее безумное желание овладеть охладевшим к ней тайновидцем определили его путь в земном времени, так и притяжение / отталкивание Клии определили жизнь и судьбу человека по имени Эйно

Карху, появившегося на свет 27 ноября 1923 года в крестьянской семье на ингерманландской земле. Возможно, не все его земляки знали дату первоначального заселения края, но никто из них не сомневался в вечности его существования: уходило одно поколение за другим, а страна Инкери продолжала жить и порождать все новые жизни... И казалось, так будет всегда, но История распорядилась иначе. В книге «Прощание с Ингерманландией» Э.Г. Карху пишет: «Ингерманландия – вполне реальный край, однако в этнокультурном смысле та Ингерманландия, о которой пойдет речь, продолжает жить скорее лишь в воспоминаниях ее раскиданных по миру уроженцев, чем в реальности»¹.

Такая короткая пастораль

Итак, следуя семейной традиции, Эйно Карху должен был стать крестьянином из деревни Вуйссакка, или по-русски – Высоцкое. Точнее: Финно-Высоцкое, чтобы отличать от русской деревни с таким же названием. И Русско-Высоцкое было в полутора километрах, и не столь далеко Петербург-Петроград-Ленинград, тем не менее сто пятьдесят тысяч ингерманландцев сохранили свой язык, обычаи и культуру.

Никто не говорил с ребенком на тему «кем быть?». Его воспитывал труд и весь уклад деревенской жизни. Ему уготована была судьба крестьянина, правда, не пастуха. Это для поэта и ребенка (конкретно для мальчика Эйно) его образ притягателен. Пастух, как человек из *иного* мира, приходит неведомо откуда, проводит жизнь на лоне природы и благодаря магической игре на рожке (флейте, свирели) приручает стадо.

И в книге он таков: чужак (выходец из Финляндии), поражающий уже своим обликом: цветной жилет, шляпа, сапоги финского образца, а в сухую погоду – легкие самодельные сандалии. Что уж говорить о берестяном рожке и кнуте длиной метров шесть-семь!

Но для взрослых значим социальный статус человека, который определялся наличием собственности. Так как пастух земли не имел, то в крестьянской семье считалось унижительным отдавать сына пасти чужой скот.

Однако со *своим* стадом должен уметь управляться каждый независимо от возраста. В память Карху особенно резко врезались «пасторальные» эпизоды, отнюдь не идиллического характера. Ему, пятилетнему мальчику, поручили в шесть ут-

ра выпустить коров с телятами в стадо. Чтобы ребенок не проспал, мать перед отъездом на сенокос разбудила его в четыре утра. Вопрос не стоял: по силам ли мальчику это задание. Он *должен* выполнить. И выполнил. «Мне удалось-таки не проспать и услышать внезапный звук рожка, хотя от растерянности я не сразу смог открыть ворота и пастуху пришлось мне помочь».

Еще один эпизод показывает, как ребенок сумел преодолеть свои малые физические возможности и охвативший его страх, когда его, пятилетнего, послали пасти корову на уже замерзшем озимом поле в полукилометре от дома. Драматизм происшествия заключается в том, что корова, как ни тащил ее малыш, не хотела возвращаться обратно. Плачущего мальчугана, которого «упрямо волокла за собой эта громадина», выручил проходивший мимо сосед. Но «ребенку и один час в одиночестве на замерзшем поле показался вечностью».

Этот эпизод не просто демонстрирует, что в крестьянских семьях сызмальства воспитывалось чувство ответственности, он также показывает нерасторжимую связь маленького человека со всем живым миром (а вдруг корова, оставшись в одиночестве, погибнет). Это характерно для разных народов. В данном случае чувство ответственности помножено на ингерманландскую настойчивость и на исповедуемое лютеранами нравственно-религиозное чувство возвышения труда. Здесь закладывался фундамент характера Э.Г. Карху.

В 1990–1991 годах Эйно Генриховича стали преследовать болезни: у него резко упало зрение, было обнаружено опасное заболевание и ко всему этому он сломал руку. В Кремлёвской больнице, куда отправили известного ученого, вынесли вердикт: «Не срастется!» Только ли о руке здесь шла речь, – выживет ли...

Выжил: одолел недуг, разработал руку и в июне 1992 года положил на стол плановую рукопись «Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении». До ухода на пенсию в сентябре 2004 года, когда болезнь взяла свое, он написал еще 3 монографии и не один десяток статей. В каждой из последних книг звучала ингерманландская тема. Услышал ли он зов уходящего в небытие рода или сам возложил на себя миссию его историографа... Главное: задачу выполнил.

В «пасторальных» эпизодах есть второй герой – корова. Исследователем она тоже не будет забыта. Ему был близок запечатленный в искусстве образ крестьянской кормилицы, будь то

«Калевала» или повесть Василия Белова «Привычное дело».

В послесловии к книге карельского писателя Николая Яккола «Водораздел» Э.Г. Карху отмечал «настойчивое стремление автора к строгому историзму повествования» и в качестве аргумента показал, как через реакцию членов крестьянской семьи на пропажу в лесу коровы можно выявить отпечатки верований разных эпох: «...стариками по языческой традиции говорят: «Леший к себе увел». Люди среднего поколения, напротив, видят в этом кару божью, ниспосланную крестьянам за нарушение православных постов. А мальчик Хуоти с детской откровенностью, хотя и не без страха за последствия, говорит, что леших не бывает, а корову задрал медведь».

Светом церковной люстры, «сиявшей с потолка со множеством горящих свечей», освещено и освящено его детство. В память Эйно врезался «алтарь с изображением Христа, возвышающаяся слева кафедра священника, ряды скамеек с проходом посередине, над ним ярусы, вдоль которых у перил тоже горели свечи».

Шло детство. Если оно благодатное, то, с одной стороны, время летит быстро (ты растешь!), с другой – оно одаривает тебя тем, что накоплено веками, тысячелетиями, и поэтому наблюдается парадокс: твое личное быстрое время соединяется с медленным временем общей Истории человечества.

Собственно, эту большую историю мальчик пока знал только по семейному преданию. Хотя бабушка помнила о временах крепостничества и рассказывала о них, но ее память чаще всего высвечивала то, что было мило сердцу во времена ее детства: ежегодные войсковые учения, во время которых в ее родной деревне Алакуля стоял гусарский полк.

Слом

В отличие от бабушки, Карху-этнолог не помещает акценты: колхозное крепостничество и долгий статус лишенца не затмят описание краткого «пребывания в гусарах». Хотя его строгий историзм не позволил пропустить и первоначальный праздник колхозной жизни: первый трактор на полях, вызвавший бурю чувств у ребятшек, и бесплатную столовую, которая просуществовала одну осень, временное изобилие стало сменяться постоянной борьбой за буханку хлеба, её получали в городе в обмен на молоко от единственной коровы.

Эйно стал возчиком. На его телеге добирались молочницы до станции, где История впервые показала ему свой страшный лик. Возле вокзала он увидел «мужчин, женщин, детей, очень исхудавших, с бледными лицами и провалившимися глазами. Иные лица, напротив, совсем отекали, и тогда полузакрытые глаза едва выглядывали». По словам молочницы, это были «откуда-то понаехавшие голодающие люди, оставившие свои деревни в надежде спастись от голодной смерти в городе». Много-много позже Карху узнает, что вокзал надежды для этих людей стал местом смерти. Их, выходцев из южных – хлебных – районов страны, ограбили во имя великой цели, и они тысячами и тысячами умирали в своих деревнях и на вокзалах городов, куда их не пустили.

Хотя коллективизация называлась на языке символов «великим переломом», фактически стала «сломом». Перелом означает нарушение целостности, которую полностью или в определенной степени можно восстановить, или указывает на крутой поворот в развитии, ведущий в лучшую или, увы, худшую сторону. Слово «слом» чаще всего употребляется с предлогом «на». То, что идет на слом, уходит навсегда.

Традиционная деревня, традиционная культура были обречены на слом. Дело было не только в переделе собственности и в изменении характера сельского хозяйства, но и в дифференциации сельского населения по сословному признаку. Хотя семейство Карху не отличалось богатством и, как все в деревне, летом пробавлялось солониной, их как кулаков выслали на Хибины, где его отцу было предписано работать на комбинате «Апатит». Здесь вынуждены были трудиться и русские, и эстонцы, и немцы. Разрушали традиционный уклад всех народов – трагедия была общей.

Если память о детстве была освещена теплым светом намоленных свечей, то хибинское отрочество – проклятыми отсветами фосфорного шлака. Когда рабочие в полярную ночь возвращались со смены в бараки, то у них «светились и рабочие спецовки, ..., их брови и ногти на пальцах рук, все предметы, которые они брали с собой на завод. Всепроникающий фосфорный налет трудно отмыть».

В большинстве своем эта масса не пролетаризировалась, а люмпенизировалась. Не было ни своей земли, ни своего дома, где бы эти «ходячие факелы» могли приложить свои руки, поэтому свободное время они проводили где-нибудь в приятельской компании за бутылкой водки и кружкой пива.

Надо было обладать большой силой духа, чтобы противостоять общему настроению и поведению. В числе немногих были родители Карху: чувство собственного достоинства не позволяло перейти черту, они пытались укоренить свою мораль в детях, заставляя их трудиться. В короткий грибной сезон Эйно будили в четыре часа утра, и он с отцом отправлялся в лес, который всегда был притягателен для их семьи, носившей «лесную» фамилию (в переводе на русский язык она означает «медведь»).

Возможно, случай в лесу стал толчком в развитии образного мышления Эйно. Будучи пятилетним, он ушел в лес и заблудился. Тогда у него «при шуме деревьев рождались как бы сами собой фантазии, ведь сказок и приключенческих книг о «лесных разбойниках» ему «никто в детстве не читал». Заблудившегося «медвежонка» спас звук коровьего колокольчика: пастух довел зарезанного ребенка до деревни.

В Хибинах для него стал значим звук горна. И, несмотря на протесты глубоко религиозной матери, подросток стал пионером. Казалось, жизнь должна была лишиться Эйно иллюзий: тесный барак, промерзшая полугнилая картошка, мат-перемат соседей, но юный человек всегда жив верой в будущее: «...для меня, пацана, это не имело никакого значения, я твердо верил, как учили в школе, что мы строим новое общество, что трудности только временные и что скоро все будет в лучшем виде».

Но сколько людей, рисовавших в мечтах юности радужное будущее, сдаются при первых трудностях. В ссылке такие примеры множилось на глазах. У Эйно, наоборот, «неудовлетворенность сущим» стала «самым важным психологическим стимулом учиться... выкарабкаться из барачного клоповника в прямом и переносном смысле. Верилось, что где-то должна быть иная жизнь, о которой рассказывается в хороших книгах». Выброшенный Историей на слом – он не сломался!

И на войне не воин

3 сентября 1941 года Эйно Карху сам отправился в Медвежьегорский (финно-спецпоселенцев летом 1940 г. перевели в Карелию) районвоенкомат, чтобы выяснить, призовут ли его в армию. Уже вечером он был одет в военную форму и в армейские ботинки с обмотками, что не вызывало у него особого огорчения. По признанию ученого, он, «наверно, был даже доволен тем, что все наконец определилось: во мне приз-

нали гражданина страны и скоро доверят винтовку, чтобы защищать Отчизну».

Но гражданина в юном солдате власти никак не хотели признавать. Если в Хибинах Карху ощущал прежде всего дискриминацию по классовой принадлежности, то на войне – по национальной. Как известно, Финляндия воевала на стороне гитлеровской Германии, и советские финны стали в ответе за своих соплеменников по ту сторону границы. Ингерманландцы были интернированы, и земля, на которой они жили, была постепенно заселена другими людьми. Оставшиеся в живых не могли после войны вернуться в родные пенаты, они были рассеяны по Советскому Союзу: Сибири, Эстонии и Карелии.

Не останавливаясь на начальном этапе службы молодого бойца, перейдем к главному – «стройбатовской эпопее» Карху, которая продлилась с февраля 1942 года по весну 1944. Он оказался под Вологдой, строил аэродром. Ни о каком трудовом подвиге, хотя люди трудились из последних сил, речь не идет. Как ни тяжела была работа, борьба с постоянным мучительным голодом была страшнее. И это в глубоком тылу, где «вокруг пустуют колхозные земли, на которых несколько десятков тех же стройбатовцев могут вырастить урожай для всех».

История была немилосердна к этим людям, финнам, немцам, эстонцам и не годным к строевой службе русским, и автор, подобно летописцу, приводит факт за фактом, чтобы предельно достоверно передать трагедию безымянных мучеников.

Заключительная сцена его «эпопеи» приобретает поистине символический характер. Описывается американский финн. Приехавший в Страну Советов строить светлое царство социализма, он обрел судьбу не героя – Прометея прикованного, а обезумевшего узника: «похожий на живой скелет, ... он машинально, очень медленно и с надрывом силился поднять дрожащими исхудалыми руками тяжелый молот и столь же бессильно и безразлично опускал его, приговаривая, словно ведя счет ударам: «В Америке у меня был дом – р-раз; в Америке у меня была машина – д-два; в Америке у меня была еда – т-три!» Троекратное звучание молота здесь – как жуткая музыка древнего божества Молоха, пожирающего людей.

В этом аду Эйно решил выжить во что бы то ни стало и одержал победу. Его оружием стало перо. В фактически умирающем юноше проснулся литератор: он решил обратиться к комбату. В письме, «тщательно обдуманном и много раз переписанном», он «постарался по возможности

кратко объяснить свое крайнее дистрофическое состояние и нежелание умирать». В качестве адресата он избрал не комиссара, а комбата, инстинктивно почувствовав в нем командира, сохранившего человечность. И не ошибся, победив в борьбе за жизнь. Позднее ему довелось стать переводчиком и выучиться на пулеметчика, но его пулемету уже не пришлось застрочить.

В майскую ночь под Лиепая Карху узнал о победе. И полвека спустя он вспоминал «неповторимое чувство, выстраданное долгими годами лишений. В нем была и радость общей победы, и зов юной жизни, снова обретшей надежду, и почти телячий восторг... что все у тебя в целостности – и руки, и ноги, и голова. ... И само-то счастье в ту минуту было физически разлито в твоей исстрадавшейся плоти, его тоже можно было почти пощупать руками, ощутить совершенно конкретно».

В начале было Слово

Ни пастухом, ни воином, одержавшим блистательные победы на поле боя, Эйно не стал. Эта возможность у него была отнята. Но после войны режим по отношению к ингерманландцам смягчился. Кляя стала милосерднее и дала возможность Эйно погрузиться в чтение мудрых книг. В 1946 году он поступил на филологический факультет Петрозаводского университета.

Что побудило юношу сделать именно этот выбор? Какая книга стала для него первой? Кто был его первым учителем?

Первой стала Вечная Книга – Библия. Ее «в редкие минуты досуга» читала мать. Увидев, что пятилетнего сынишку заинтересовал «сам процесс чтения, то, как из букв складываются слова», «принялась показывать буквы и медленно читать по складам». Он выучился где-то за месяц и потому пошел в школу в неполные семь лет, а не как сверстники в восемь. Учился Эйно в финской школе у себя на родине и в Хибиногорске, где для детей из ссыльных ингерманландских семей была создана семилетняя школа с преподаванием полного цикла предметов на родном языке. Но от поселка Юкспор, где проживала его семья, до школы было шесть километров, и возвращаться мальчику приходилось в темноте полярной ночи, поэтому, окончив 5-й класс, он стал учиться в русской школе, что находилась вблизи от дома. Эйно попал не просто в новую школу, а «в новый языковой мир». Для него «в психологическом отношении началась совершенно новая жизнь». В книге показан не просто процесс преодоления

фонетических и грамматических трудностей, но и, увы, неминуемых в таких случаях насмешек одноклассников, которые нарочно подбрасывали ему матерные словечки, и он, не понимая их смысла, произносил на уроках.

Карху выстоял. Он преодолел языковой барьер. Его «олимпиадой» стал обычный школьный диктант, который предложили написать всем поступившим в университет студентам. Без ошибок написали только двое – студентка-финка и он.

Благодаря русскому языку школьнику открылось богатство великой русской литературы. Конечно, юному финну предстояла встреча с Пушкиным, ставшая для него «источником едва ли не самых ранних литературных впечатлений ... Подростковой душе были особенно близки лицейские стихи юного поэта, полные света и радости, восторженных посланий столь же юным друзьям». Чтение Тургенева и Пришвина «обостряло и воспитывало зрение», ему «хотелось отыскать красоту ... в хибинской природе», потому мальчик «вечером специально выходил на находившуюся неподалеку лесную поляну, чтобы увидеть окрестности гор при лунном свете».

Пробудившееся чувство природы требовало выражения, и традиционное домашнее задание: придумать несколько сложных предложений с подчинением и сочинением – вылилось в связанное описание осеннего леса, за что ученик был удостоен первой похвалы.

В школе были хорошие учителя, оказавшиеся в этой глуши, очевидно, не по своей воле и щедро дарившие учащимся свои знания. В память автора особенно врезались литератор и математик. Яркие, фантастически преданные своему предмету люди, о которых он написал в книге с чувством глубокой благодарности.

Парадоксально, но человек, проживавший в бараке с его неистребимыми клопами и таким же неистребимым матом, в то же время существовал в мире красоты природы, слова и математической логики. Когда перед юношей встал выбор, чему отдать предпочтение – литературе или математике – решение было не простым: «математическая логика прекрасна своей стройностью и строгой доказательностью, но она предельно абстрагирует и формализует работу мысли, отстраняет ее от плоти живой жизни. ... Об искусстве не случайно говорится, что оно *воплощает* – связь с плотью жизни подчеркивается этим словом». Добавим от себя: искусство, воплощая жизнь, дарит его ценителям ощущение *катарсиса* – душевного очищения и веру в будущее.

Возвращение в семью

То, что Карху выбрал специальность «финский язык и литература», только на первый взгляд кажется очевидным. Он столько натерпелся из-за своей национальности, что ему не раз приходило в голову «невеселое желание не иметь вообще этой проклятой отметки в паспорте»; к тому же переход на другой язык губительно сказался на лексической базе родного.

Когда-то десятилетним мальчиком он покинул родную деревню, где был на попечении бабушки и тетушек, и уехал на Хибины, к родителям, не побоявшись разделить судьбу ссыльных. Так и теперь Эйно, у которого уже не было в живых отца и матери, вернулся в свою языковую семью.

Попытаемся понять логику его выбора. Конечно, перед пытливым умом всегда встает вопрос о своей этнической идентичности, и Карху не раз пытался понять, кто мы – финны. Выбор специальности позволял познакомиться с исторической родиной и осознать свои корни. Думается, дело было не только в этом. Многие помнят строки пушкинского памятника:

*Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.*

Но не многие обращают внимание, что рядом со славянином назван финн. Для Пушкина это было привычно: по подсчетам специалистов, в XIX веке в Петербурге финнов проживало больше, чем в Хельсинки. Без финнов Россия для Пушкина была неполной. Если они пошли по его тропе, чему сам Карху был пример, то и соплеменники поэта должны увидеть в финнах не «белофиннов» и «фашистов», а добрых соседей. Думается, логика рассуждений новоиспеченного филолога была такова.

Свои первые две книги Эйно Генрихович посвятил русско-финским литературным связям. Подобно Финну, который возвратил Руслана к жизни и вернул его в лоно семьи князя Владимира, он восстанавливает забытые и, казалось бы, навсегда утраченные культурные связи.

Уже первые книги показывают, что исследователя интересуют не отдельные имена, как бы велики они ни были, а литературный процесс в его историческом развитии. Это явствует даже из названия книг, например: «История литературы Финляндии: От истоков до конца века» (1979)², «История литературы Финляндии XX века»

(1990), «Финская лирика XX века» (1984) и др. Как правило, над историей литературы того или иного народа (народов) работает коллектив исследователей. Считается, что столь большой труд не по силам одному ученому. Но Карху думал иначе: «Толстой был один. Маркс был один».

– И Эйно Генрихович один, – как-то в тон ему сказала на заседании ученого совета одна из сотрудниц института.

Он и был один: масштаб поставленных задач соответствовал масштабу личности. Понять его можно: один автор, значит, одна концепция, один стиль. Ноша, конечно, тяжела, но труда он не боялся³. За время работы с 1956 по 2004 г. в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН им опубликовано более 300 трудов, в том числе 15 книг: 6 переведено на финский, 1 – на немецкий. Кроме Финляндии и Германии, его работы издавались в Эстонии, Швеции, Венгрии и США. Не раз он выступал в качестве переводчика художественной литературы.

Для Э.Г. Карху всегда были значимы такие постулаты, как широкий контекст (общероссийский, европейский, мировой), ибо ему претил провинциализм, и «строгий историзм» (беру в кавычки, потому что это характерное для него выражение), за который он всегда ценил труды К. Маркса.

Карху не был членом коммунистической партии и пострадал в советское время настолько, что мог в эпоху разрушения Советского Союза примкнуть к его хулителям. И хотя он не раз в беседах с коллегами отрицательно высказывался по ряду позиций, он не примкнул к тем, кто во имя якобы замечательного «теперь» ниспровергал якобы во всем темное «раньше». В этом он опять-таки видел отрицание принципа «строгости историзма» и отсутствие позитивной идеи у новых идеологов. Болея душою за страну, он перемежает свои воспоминания не лирическими, а публицистическими отступлениями, что ранее для него было нехарактерно. Мучительно переживая за то, какую власть приобрели деньги, он цитирует высказывание драматурга Виктора Розова, определившего время как «эпоху морального растреления».

В Карелии это время совпало с кратким мигмом «национального Ренессанса»: наконец-то начала по-настоящему формироваться письменность и культура карелов и вепсов. Тогда Карху впервые выступил как историк и этнолог и написал книгу «Малые народы в потоке истории» (1999).

Почему он не стал собственно историком? Воп-

рос риторический, но, возможно, потому, что советская историография во времена его молодости (да и позднее) рассматривала развитие общества с классовых позиций. Отдельный человек, как правило, советских историков не интересовал в отличие от их великих предшественников⁴. Им занималась литература, которая даже в советское время могла выразить сочувствие такому «классово чуждому элементу», как, например, Григорию Мелехову. Поэтому Э.Г. Карху соглашался с теми исследователями, которые считали, что гуманитарная наука должна наконец-то стать по-настоящему *антропоцентрической*: ставить во главу угла *человека* и дарить свое знание *человеку*.

Сам Э.Г. Карху хотел, чтобы его читали не только специалисты, и делал журнальные версии своих книг, которые публиковал в литературно-художественных журналах Карелии «Север» и «Punalippi» («Carelia»).

В «перестроечное» время Клия опять показала свой жестокий нрав. Всем жилось нелегко, но финнам вспомнились старые обиды (есть раны, которые, увы, не заживают), и начался их Исход. Карху тоже спрашивали, почему он не уезжает, на что Эйно Генрихович отвечал: «Надо иметь достоинство».

Карелия стала его домом, его семьей, и он не мог оставить этот дом в беде. Весной 2008 года, уходя из жизни, он завещал похоронить его не на «почетном» кладбище, а рядом с женой. Его-то, доктора филологических наук, члена Союза писателей России, лауреата государственных пре-

мий, почетного гражданина Республики Карелия, человека, удостоенного наград Финляндской Республики... Всех званий и наград не перечесать... Однако он не хотел лежать один, а хотел быть вместе с семьей, вместе с отмеченными и вовсе не замеченными государством людьми – с народом.

А жизнь идет, и в ее потоке нет-нет да и всплывет серебристой рыбкой слово Эйно Карху.

Примечание

¹ Карху Э.Г. Прощание с Ингерманландией // Э.Г. Карху. Малые народы в потоке истории. Петрозаводск: изд-во ПетрГУ, 1999.

² Две главы в этой книге, написанной его учеником А.И.Мишиным.

³ Опыт работы в коллективном исследовании у Э.Г. Карху был. Он являлся научным редактором и одним из исполнителей «Очерка истории литературы советской Карелии» (1969).

⁴ Не случайно начальная глава и журнальная версия единственной книги Э.Г. Карху, посвященной конкретному человеку, называется «Герой дня Тацитова пера» («Элиас Лённрот. Жизнь и творчество». 1996).

□

Елена Ивановна МАРКОВА

в 1970 году окончила Петрозаводский университет.

Завсектором литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.

Доктор филологических наук.

Автор более 140 научных трудов, в том числе 7 книг.

Член Союза писателей России.

Член концертных деятелей России.

Лауреат премии Республики Карелия

в области культуры, искусства и литературы,

заслуженный деятель науки Республики Карелия.

